

(hidden)

Веруйте в свет, да будете сынами света!

[Ин. 12:36]

Епископ Иларион (Алфеев)

Home / About the site / About the author

26

❖ БИОГРАФИЯ ❖ БИБЛИОГРАФИЯ ❖ КНИГИ ❖ ПЕРЕВОДЫ ❖ СТАТЬИ, ДОКЛАДЫ ❖ КАТЕХИЗИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ
❖ ИНТЕРВЬЮ ❖ РЕЦЕНЗИИ ❖ АУДИО-И ВИДЕОМАТЕРИАЛЫ ❖ НОВОСТИ ❖ ФОТОГРАФИИ ❖ РАЗНОЕ ❖ ГОСТЕВАЯ
КНИГА

Отобразить меню

Искать

➤ Главная страница / Избранные статьи, доклады /

 Версия
для печати

✶ ХРИСТИАНСТВО ПЕРЕД ВЫЗОВОМ ВОИНСТВУЮЩЕГО СЕКУЛЯРИЗМА

*Епископ Венский и Австрийский Иларион,
Представитель Русской Православной Церкви
при европейских международных организациях,
доктор богословия, доктор философии*

*Доклад на международной конференции «Социальное учение Православия
в современном обществе», Москва, 15 марта 2004 года*

Призрак воинствующего секуляризма бродит по Европе. Активно

противопоставляя себя любым проявлениям религиозности, воинствующий секуляризм одерживает все более впечатляющие победы на европейском общественном поле. Еще не угасли баталии по поводу упоминания о христианских корнях Европы в Европейской конституции, как уже новая волна споров всколыхнула Старый свет – на этот раз в связи с принятием правительством Франции закона о запрете на ношение религиозных символов в общественных местах. И вновь воинствующий секуляризм заявляет о себе как о единственной легитимной мировоззренческой системе, на основе которой должен строиться новый мировой порядок – как в Европе, так и за ее пределами.

Стремление вытеснить религию из общественной сферы, отвести ей место на задворках человеческого бытия, свести ее исключительно к области частной жизни отдельных индивидуумов – вот та программа, над выполнением которой трудятся представители современного либерального гуманизма, вдохновляемого идеями Просвещения с его специфическими представлениями о свободе и толерантности. При этом толерантность по отношению к религии распространяется только на те ее аспекты, которые не выходят за рамки политкорректности и не противоречат так называемым «общечеловеческим ценностям». Все же, что выходит за эти рамки, объявляется подлежащим ограничению, запрещению или полному искоренению.

Категорическое нежелание значительного числа европейских политиков включить упоминание о христианстве в Евроконституцию и решительное сопротивление большинства французских общественных деятелей любому открытому проявлению религиозной веры, а также другие сходные явления, имеющие место во многих частях Европы, – лишь надводная часть айсберга. За всеми подобными явлениями прослеживается последовательное, систематическое и целенаправленное наступление воинствующего секуляризма на остатки европейской христианской цивилизации, желание покончить с ней раз и навсегда. Это наступление происходит под барабанный бой сторонников демократии и либеральных ценностей, под громкие крики о защите прав и свобод граждан. При этом, однако, под вопрос ставится основное право человека – открыто исповедовать веру в Бога; под угрозой оказывается право человеческого сообщества строить свою жизнь на основе религиозного мировоззрения.

Воинствующий секуляризм как псевдо-религия

Когда в 1917 году к власти в России пришли большевики, одним из главных пунктов их идеологической программы стала борьба с религией во всех ее проявлениях. Эта борьба в 1920-е и 30-е годы носила характер геноцида: молох воинствующего атеизма не щадил никого – ни епископов, ни священников, ни монахов, ни монахинь, ни мирян. Горькую судьбу репрессированных священнослужителей разделяли их жены и дети: последние объявлялись «детьми врагов народа» и помещались в специальные интернаты, где их воспитывали в антирелигиозном духе. От гонений в равной степени страдали представители всех религий – и православные, и католики, и протестанты, и мусульмане, и иудеи, и

буддисты. И все это происходило под лозунгами борьбы за свободу, равенство и братство, унаследованными от французской революции.

Понятие свободы, впрочем, имело очень ограниченный смысл применительно к религии. По сталинской конституции 1929 года допускалась свобода отправления религиозных культов и пропаганды атеизма. Иными словами, пропагандировать, то есть открыто проповедовать можно было только атеизм: проповедовать религию было официально запрещено. На деле же сам факт принадлежности человека к той или иной церкви, даже если он не проповедовал свою веру, воспринимался как вызов всему советскому обществу и почти неизбежно приводил к увольнению с работы и потере общественного положения. Во многих же случаях, особенно в кровавые 20-е и 30-е годы, быть верующим означало подвергать риску свою жизнь и жизнь своих близких.

Причина ненависти, которую русские коммунисты испытывали по отношению к религии, заключается, по мнению Бердяева, в том, что коммунизм воспринимал себя как некую религию, пришедшую на смену христианству[1]. Непримируемая враждебность коммунизма к вере в Бога объяснялась его претензией на мировоззренческую монополию. Поскольку же человек, по словам Бердяева, является «религиозным животным», то «когда он отрицает истинного, единого Бога, он создает себе ложных богов, идолов и кумиров, и поклоняется им»[2]. В этом смысле русский коммунизм стал анти-религией, псевдо-религией, суррогатом религии для миллионов людей, которые были насильственно отторгнуты от веры своих отцов.

Коммунизм создал не только идеологию, но и целый культ, включавший в себя поклонение кумирам в качестве неотъемлемого компонента, только вместо святых объектами поклонения были вожди мирового пролетариата, чьи портреты висели в каждой комнате любого общественного здания. Была разработана система символов, цель которой заключалась в том, чтобы вытравить из памяти людей религиозную символику: на место креста и икон пришли красная звезда и серп и молот. При этом религиозные символы жестоко преследовались, ибо они тоже воспринимались как вызов безбожному советскому обществу.

Такая ситуация сохранялась вплоть до 1970-80-х годов. Я хорошо помню, как в конце семидесятых, когда я был школьником, учительница с яростью срывала с меня случайно обнаруженный ею под воротником моей рубашки нательный крестик. С той же фанатичностью учителя заставляли учеников носить красный пионерский галстук, без которого школьник вообще не должен был появляться в общественных местах. Так, когда в начале восьмидесятых одиннадцатилетний пианист Евгений Кисин, чье имя теперь широко известно в музыкальном мире, давал свои первые сольные концерты в Большом зале консерватории, он сидел за роялем в пионерском галстуке.

Воинствующий секуляризм, стремительно набирающий обороты в сегодняшней Европе, тоже является псевдо-религией, имеющей свои незыблемые вероучительные установки и нравственные нормы, свой культ и свою символику. Как и русский коммунизм XX века, он претендует на

мировоззренческую монополию и не терпит конкуренции. Именно поэтому лидеры секуляризма болезненно реагируют на религиозные символы и вздрагивают при упоминании о Боге. «Если Бога нет, Его надо было бы выдумать», говорил просвещенный безбожник Вольтер, подчеркивая значимость религиозной веры для нравственного здоровья человека и общества. «Если Бог и есть, о Нем надо умалчивать», настаивают современные либеральные гуманисты, считающие, что Богу не место в сфере общественного бытия. По их мнению, упоминание о Боге в документах, имеющих общественную значимость, так же как и ношение религиозных символов в общественных местах, является нарушением прав неверующих и агностиков. При этом, однако, забывается о том, что запрет на упоминание о Боге и на ношение религиозных символов является дискриминацией верующих, которым отказывают в праве открыто исповедовать свою религию.

Современный воинствующий секуляризм, подобно русскому большевизму, воспринимает себя как мировоззрение, пришедшее на смену христианству. Именно поэтому он не нейтрален и не безразличен по отношению к христианству: он откровенно враждебен ему. От идеологов европейского секуляризма можно подчас услышать реверансы в пользу ислама, но они никогда не скажут доброго слова о христианстве.

Кстати, одним из аргументов против упоминания о христианстве в преамбуле Евроконституции была опасность оскорбить этим упоминанием мусульман и воспрепятствовать вступлению в Евросоюз Турции. Аргумент этот заведомо ложный, так как, во-первых, Турция является секулярной, а не мусульманской страной, а во-вторых, никто не препятствовал наряду с христианством упомянуть в конституции и ислам, и иудаизм, и буддизм, и другие традиционные религии. К тому же история Турции, где в начале XX века было вырезано более миллиона армян, где были почти полностью уничтожены греческая и ассирийская колонии, страна, где от древней христианской цивилизации остались лишь руины, являет далеко не самый блестящий пример сосуществования религиозных конфессий в рамках секулярного государства. Даже в наши дни, когда Турция заявила о своем стремлении вступить в Евросоюз, положение религиозных меньшинств – и прежде всего жалких остатков некогда могущественных христианских Церквей – оставляет желать много лучшего. Запрет на ношение духовной одежды по-прежнему распространяется на духовенство всех религий, а христианские общины находятся под особенно жестким контролем властей[3]. Если Европа будет ориентироваться на турецкую модель в построении секулярного сверх-государства, то христиан в ней ждут нелегкие времена.

Воинствующий секуляризм и христианство

В чем же причина той агрессивности, с которой современные западные либерал-секуляристы относятся к христианству? Почему созданные ими правила политкорректности, давно уже превратившиеся в своего рода «моральный кодекс строителя новой Европы», включают в себя запрет на критику ислама, но всячески поощряют критику христианства? Почему эти

правила позволяют говорить о зверствах инквизиции в средневековой Испании, о холокосте в нацистской Германии, но запрещают говорить о геноциде армян и других христианских народностей в уже упомянутой Турции? Откуда такая предвзятость и односторонность в трактовке истории? Почему именно христианство оказывается козлом отпущения всякий раз, когда религия подвергается критике? Почему именно для христианства не нашлось место в проекте Европейской конституции, тогда как «греко-римское наследие» и наследие эпохи Просвещения были выставлены в качестве основ европейской цивилизации?

Ответ на эти вопросы, как мне кажется, кроется в своеобразии исторического развития Западной Европы во втором тысячелетии нашей эры. Для большинства западных европейцев, особенно в странах с преобладающим католическим населением, синонимом христианства является прежде всего Католическая Церковь, в истории которой было немало темных страниц. Католицизм в Средние века носил почти тоталитарный характер, претендуя на монополию не только в сфере вероучения, но и в других сферах общественного бытия. Западная Церковь держала под своим идеологическим контролем науку и искусство, вмешивалась в государственные дела, вела военные кампании, принимала активное участие в политике. Все это сопровождалось гонениями на инакомыслящих и подавлением религиозных меньшинств.

Ответом на тотальный диктат католицизма стало зарождение в рамках западного христианства мощной анти-католической реакции, приведшей к возникновению протестантизма: вплоть до наших дней основным двигателем протестантского богословия остается полемика с католичеством, стремление преодолеть его влияние. Еще одним ответом стала стремительная дехристианизация (точнее, «декатолицизация») европейской светской культуры. Философская мысль Европы также постепенно дистанцировалась от католичества и в эпоху Просвещения полностью от него эмансипировалась, заложив основы современного «пост-христианского» (правильнее было бы сказать, «пост-католического») гуманизма. Параллельно с этим происходило ослабление политического могущества Католической Церкви. Решающий удар по политическим амбициям католицизма был нанесен французской революцией и наполеоновскими войнами. Карликовое государство Ватикан – все, что осталось от некогда могущественной папской империи, занимавшей основную часть территории Западной Европы.

Современное европейское антихристианство по своим корням является прежде всего анти-католицизмом. Тем не менее, борется оно со всеми христианскими конфессиями, с христианством как таковым. Оно протестует не против самого факта существования христианской Церкви, но против того, чтобы Церковь влияла на общественные процессы, на политику, искусство, науку и культуру. Воинствующий секуляризм допускает право отдельных индивидуумов в рамках единой Европы исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, но не признает «легитимность религиозного мировоззрения как основания для общественно значимых деяний»^[4]. В этом источник тлеющего конфликта между секулярным обществом и теми христианскими общинами, которые стремятся «к

утверждению христианских ценностей в процессе принятия важнейших общественных решений как на национальном, так и на международном уровне»[5].

Религиозные и «общечеловеческие» ценности

Но что мы понимаем под христианскими ценностями и в чем эти ценности не совпадают с так называемыми «общечеловеческими», составляющими основу секулярного гуманизма? Прежде всего, здесь следует сказать о том, что верховной и абсолютной ценностью в христианстве, главным критерием истины является единый Бог, явивший Себя миру в Лице Иисуса Христа. Именно Бог воспринимается христианами как источник правовых и общественных норм, а заповеди Христа как непреложный нравственный закон. Христианская шкала ценностей теоцентрична и христоцентрична. Секулярный гуманизм, напротив, антропоцентричен, ибо воспринимает человека как «меру всех вещей», как абсолютную ценность и мерило истины[6]. Христианство исходит из представления о том, что человеческая природа повреждена грехом и нуждается в исправлении, искуплении и обожении. Именно потому Церковь «не может положительно воспринимать такое устройство миропорядка, при котором в центр всего ставится помраченная грехом человеческая личность»[7]. В гуманизме же само понятие греха отсутствует, и единственное, что, по представлениям гуманистов, должно ограничивать свободу индивидуума, – это правовые нормы, защищающие свободу других индивидуумов.

Говоря о «христианских» и «общечеловеческих» ценностях, я сознаю спорность и уязвимость обоих понятий. Можно ли ссылаться на общечеловеческие ценности, когда каждая цивилизация, каждая культура и каждый народ имеют свои ценностные ориентиры, далеко не всегда совпадающие с принятыми в иных цивилизациях, в иных культурах и у иных народов? С другой стороны, как можно говорить о христианских ценностях, когда значительная часть современных протестантских общин подвергает ревизии самые основы христианского догматического и нравственного учения, модифицируя его в угоду нормам политкорректности? В этом смысле, может быть, правильнее было бы противопоставлять (как это делается в некоторых официальных документах Московского Патриархата) «традиционные» ценности «либеральным». Еще более обобщенно можно говорить о конфликте между верой и неверием, о фундаментальном несоответствии религиозного миропонимания нормам гуманистического секуляризма.

Множество конкретных примеров такого несоответствия содержится в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» – документе, который последовательно и на разных уровнях утверждает приоритет традиционных ценностей над либеральными. Со своей стороны, приведу несколько примеров из истории и современного бытия человеческого сообщества в качестве иллюстрации того несоответствия, о котором идет речь.

С точки зрения современного секулярного права, к числу самых страшных

преступлений относятся посягательство на человеческую жизнь, на личную и государственную собственность, на общественное спокойствие. Именно такие преступления караются наиболее строго. При этом, однако, тот же самый закон, который осуждает преступника за убийство другого человека, защищает жизнь убийцы, исходя из представления об абсолютной ценности человеческой жизни.

В религиозной же традиции земная жизнь человека отнюдь не представляется имеющей абсолютную ценность. И самыми страшными преступлениями считаются не те, которые направлены против человека, но те, что направлены против Бога и веры. Не случайно в древние времена у многих народов наиболее строго карались богохульство и осквернение святыни: и в греко-римской, и в иудейской традициях поправший святыню, как правило, осуждался на смерть. В то же время, у многих народов преступник или осужденный мог искать убежище в алтаре храма. Хотя для современного права это звучит почти абсурдно, но неприкосновенность прибежавшего в алтарь преступника охранялась тем же законом, который осуждал этого преступника на смерть. Более того, арест в алтаре рассматривался как тяжкое преступление.

Для упомянутой законодательной нормы нет никакого объяснения, кроме того, что она была основана на представлении о приоритете религиозных ценностей над «общечеловеческими». С точки зрения современной юриспруденции смертная казнь за осквернение святыни есть дикая по своей жестокости мера, наказание неадекватное совершенному преступлению. Но у наших предков на этот счет было иное мнение. Осквернение религиозных символов рассматривалось как покушение на самое святое в духовной жизни нации – на ее веру, без которой нация не осознавала себя как нация. Именно поэтому даже посягательство на человеческую жизнь средневековое право не рассматривало с той строгостью, с какой оно смотрело на оскорбление веры.

Другой пример – из области градостроительства. В Византии и на средневековом Западе фортификационные сооружения, как правило, возводились с таким расчетом, чтобы в случае штурма последним оплотом обороны оставался храм: именно в нем осажденные видели свою последнюю надежду, и именно здесь остатки оборонявшихся горожан желали обрести кончину. С точки зрения современного военного искусства может показаться безумием в качестве последней линии обороны оставлять церковь, которая является самым неудобным и непригодным для боя архитектурным сооружением. Но наши верующие предки думали по-иному.

Самые выдающиеся произведения архитектуры прошлого были посвящены Богу и являлись плодами живой и горячей веры их создателей. До тех пор, пока религиозное мировоззрение оставалось господствующим, люди не построили ни одного дворца, который бы по своим размерам и величю превосходил посвященное Богу здание. Самым величественным строением Византийской империи был храм Святой Софии, и в каждом русском городе на самом живописном месте стояло самое красивое в городе здание – церковь. «Все лучшее Богу, остальное – себе», говорили наши предки, и в

этом емком изречении заключалась вся суть их мировоззренческого выбора.

Современному секулярному миру с его культом потребительства, с его ориентацией на материальное благосостояние, все труднее понимать религиозную мотивацию тех, кто строил величественные средневековые соборы, до сих пор составляющие самое лучшее, что есть в европейской архитектуре. А между тем, и в наши дни люди строят величественные храмы, но происходит это, как правило, не в Западной Европе, сжимаемой тисками воинствующего секуляризма, а за ее пределами. Десять лет назад в Сенегале – стране, где даже проблема голода еще далека от разрешения, – был построен католический храм, по своим размерам превосходящий Собор святого Петра в Риме. Строительство храма сопровождалось бурными общественными дебатами, в ходе которых подчеркивалось, что в такой бедной стране строительство такого большого храма нецелесообразно с экономической точки зрения. Подобными же дискуссиями сопровождалось строительство Храма Христа Спасителя в столице России – страны, где многие острые экономические проблемы не решены, где четверть населения до сих пор находится за чертой бедности. Но для тех, кто вкладывал силы и средства в строительство упомянутых храмов, вопрос об экономической целесообразности проекта не стоял. Их главной движущей силой была вера в Бога и стремление отдать Богу то лучшее, что у них есть.

Люди, для которых религиозные ценности составляют главное содержание жизни, есть не только в Сенегале и не только в России. Немало таких людей и в Западной Европе. По данным социологических опросов, в большинстве западноевропейских стран от 60 до 95 процентов населения все еще относит себя к христианской вере. Однако число «практикующих» христиан неуклонно падает. Воинствующий секуляризм, со своей стороны, прилагает все усилия для того, чтобы христианство вышло из моды, чтобы оно воспринималось как «пережиток прошлого», чтобы оно уступило место более «прогрессивным» мировоззренческим концепциям. Активная работа проводится с молодежью: современная молодежная культура, вдохновленная секулярными идеями, становится все более антицерковной и антихристианской. Социологи не без основания предрекают значительное снижение численности европейских христиан через одно или два поколения (при одновременном постоянном росте числа приверженцев ислама).

Православие перед вызовом воинствующего секуляризма

Как уже было сказано, в своей борьбе с религией воинствующий секуляризм вдохновляется прежде всего антикатолическим пафосом. В свою очередь, именно Католическая Церковь сегодня оказывается главным оппонентом секуляризма и либерализма в Европе. Но на европейском континенте проживает значительное число протестантов, а также не менее 200 миллионов православных. Ответом многих европейских протестантов на вызов секуляризма становится, увы, постепенный отход от основополагающих богословских и нравственных норм христианства, размывание вероучительных и моральных принципов, приспособление их к

секулярному мировоззрению. Каким будет ответ Православной Церкви на этот вызов? И кто наши главные союзники в борьбе за право строить свою жизнь на основе приоритета традиционных ценностей над «общечеловеческими»?

Я глубоко убежден в том, что в Европе нашим главным союзником является Католическая Церковь. Те проблемы, которые существуют сегодня во взаимоотношениях между католиками и православными на Украине и в России, должны, конечно, решаться, но эти проблемы следует локализовать, передав их в ведение специальных двусторонних комиссий. Что же касается европейского общественного поля, то здесь православным и католикам необходимо находить общие пути свидетельства перед лицом расцерковленного мира. Нынешний конфликт между Православной и Католической Церквами можно назвать очень несвоевременным (хотя бывают ли своевременные конфликты?), ибо он разразился в тот момент, когда совместное свидетельство двух традиционных Церквей, объединенных общей верой и общей озабоченностью наступлением воинствующего секуляризма, было бы особенно необходимым.

По многим позициям нашими союзниками в отстаивании традиционных ценностей оказываются также представители других традиционных религий, в частности ислама и иудаизма. Когда Франция ввела запрет на ношение религиозных символов, под этот запрет попали «крупные и бросающиеся в глаза религиозные атрибуты», такие как хиджаб, кипа и христианский крест большого размера. Удар, нацеленный прежде всего на мусульман, был нанесен представителям всех трех монотеистических религий. И не случайно христианские лидеры Франции выступили в данном случае единым фронтом с представителями иудаизма и ислама. Расширение межрелигиозного диалога в контексте всего происходящего приобретает особую актуальность. Безусловно позитивным следует считать развитие этого диалога в России и на всем пространстве бывшего Советского Союза – диалога, приведшего к созданию Межрелигиозного совета стран СНГ. Но хотелось бы, чтобы подобный совет был создан также в рамках Европейского Союза и чтобы в него, наряду с католиками, протестантами, иудеями и мусульманами, вошли также православные.

До недавнего времени влияние Православия на европейские процессы было достаточно ограниченным. В странах с преобладающим католическим или протестантским населением Православие оставалось мало известным для широкой публики; в общественной же сфере – как на национальном, так и на европейском уровне – оно не играло никакой заметной роли. Эта ситуация, вероятно, изменится после вступления в Евросоюз таких государств православной традиции, как Болгария, Румыния и Кипр. Вместе с Грецией, являющейся членом Евросоюза с 1974 года, вместе с Прибалтикой и другими европейскими странами, где проживает значительное по численности православное меньшинство, эти государства составят то «православное лобби», которое будет достаточно влиятельным, чтобы вести полномасштабный диалог с европейскими политическими структурами. Важно, чтобы в этом диалоге, наряду с политиками, принимали участие и представители Православных Церквей

упомянутых стран.

Такой диалог сейчас крайне необходим, так как православное христианство, наряду с католичеством, тоже нередко оказывается под ударом, когда к нему пытаются применить секулярные нормы. В начале 2003 года Европейский парламент проголосовал за отмену запрета на посещение женщинами Святой Горы Афон на том основании, что данный запрет нарушает «универсально признанный принцип равенства полов», а также законы, касающиеся свободного перемещения всех граждан ЕС на его территории. В этой резолюции проявилась полная нечувствительность европейских политиков по отношению к особому статусу Афона – православной монашеской республики, где упомянутый запрет существует вот уже тысячу лет. Евродепутатов не беспокоит то, что отмена многовековой традиции неизбежно приведет к разрушению тысячелетнего уклада афонского монашества: для них важно только соответствие или несоответствие той или иной религиозной общины ими же самими установленным нормам.

Православная Церковь настаивает на религиозно-мировоззренческом нейтралитете светской власти[8], на недопустимости вмешательства государства во внутреннюю жизнь Церкви[9]. Призывая светскую власть уважать ее внутренние установления, Церковь в то же время готова сотрудничать со светским государством в делах, служащих благу самой Церкви, личности и общества при условии отсутствия государственного диктата в общественной деятельности Церкви[10]. Церковь уважает принцип светскости государства, но считает недопустимым понимать этот принцип как означающий «радикальное вытеснение религии из всех сфер жизни народа, отстранение религиозных объединений от участия в решении общественно значимых задач»[11].

К сожалению, именно так понимают принцип светскости государства те европейские политики, которые пытаются разрушить традиционный церковный уклад, одновременно вытесняя Церковь с общественной арены. И именно против такого взгляда Православные Церкви должны бороться, объединив свои усилия со всеми, кто готов сегодня защищать традиционные ценности в противовес либеральным, религиозные в противовес «общечеловеческим», кто готов отстаивать право религий на общественное самовыражение. Только выступая единым фронтом, традиционные религиозные конфессии смогут отразить натиск воинствующего секуляризма.

[1] Н. Бердяев. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж, 1955. С 129.

[2] Там же. С. 131.

[3] Автору этих строк довелось несколько лет назад совершить Божественную Литургию в одном полузаброшенном армянском храме в Турции. Для совершения богослужения потребовалось особое разрешение властей. При этом в храм были присланы двое сотрудников спецслужб, один из которых стоял рядом со мной на протяжении всей службы и снимал на телекамеру каждое мое движение, а другой в это время фотографировал участников богослужения – всех вместе и каждого в отдельности. Такая вот «свобода вероисповедания» alla turca.

[4] Основы социальной концепции Русской Православной Церкви XVI.4.

[5] Там же.

[6] Там же XVI.3.

[7] Там же XVI.4.

[8] Там же III.6.

[9] Там же III.3.

[10] Там же III.8.

[11] Там же III.3.